

неад'емная частка сродкаў масавай інфармацыі, што цесна ўзаемадзейнічае са сваёй аўдыторыяй і знаходзіцца ў выразна акрэсленай інфармацыйнай тэматычна-праблемнай прасторы.

ЛІТАРАТУРА

1. Корконосенко, С.Г. Теория журналистики: моделирование и применение / С.Г. Корконосенко. – М.: Логос, 2010. – 248 с.
2. Грабельников, А.А. Между прошлым и будущим / А.А. Грабельников // *Alma mater. Вестн. высш. шк.* – 2000. – №3. – С. 27–30.

ГОГОЛЬ Н.В. И ТОЛСТОЙ Л.Н. (сопоставительное литературоведение)

А.А. Нестеренко
Витебск, ВГУ

В период 50-х годов XIX века Толстого беспокоило то, что ряд русских писателей, по крайней мере, к 1851 году, был не оценен в должной мере литературной критикой: это Дружинин, Григорович, Тургенев, Гоголь, Гончаров.

Не случайно в отзывах на первые произведения Толстого зазвучали из разных уст дружные оценки его как продолжателя реализма Гоголя. О второй части автобиографической трилогии «Отрочество» (1854) восторженно писали: Некрасов – Тургеневу, Боткин – Некрасову, Панаев – Лонгинову, Тургенев – Колбасину.

За два года до этого умер Гоголь. Русская литература осиротела, и людям, преданным литературе, естественно, представлялся вопрос: кто теперь будет преемником Гоголя? Вопрос этот заинтересовал и Тургенева, и вот что он писал Л.Н. Вакселю в октябре 1854 года: «Прочтите "Отрочество" в 10 книге "Современника". Вот наконец преемник Гоголя». То же самое писал Тургенев И.Ф. Милицкому в ноябре того же года: «В 10 № "Современника" вы найдёте повесть Толстого, автора "Детства" – перед которою все попытки кажутся вздором. – Вот наконец преемник Гоголя, несколько на него не похожий, как оно и следовало». Очень тонкая характеристика реализма Толстого: он продолжает реалистическую традицию Гоголя, но в новом качестве.

Замечательное письмо Некрасова к Толстому от 2 сентября 1855 года имеет очень важное значение для уяснения отношения Некрасова к молодому писателю (Толстой на 7 лет моложе редактора «Современника»). Упомянув вкратце о том «возмутительном безобразии», которое было произведено цензурой над рассказом «Севастополь в мае», Некрасов далее переходит к общей оценке творчества Толстого. «Не хочу говорить, – пишет он, – как высоко я ставлю эту статью и вообще направление вашего таланта и то, чем он вообще силён и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда – правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе». Этими словами Некрасов, как раньше Тургенев, признавал Толстого преемником Гоголя в русской литературе, – того Гоголя, которого так высоко ставила вся редакция «Современника», на смерть которого Некрасов написал свои проникновенные стихи...

В июне-июле 1856 года в дневнике Толстого отмечено чтение Пушкина и Гоголя. После Пушкина Толстой «с наслаждением» перечитывает «Мёртвые души» Гоголя, находя в них «много своих мыслей».

В составленном самим Толстым списке книг произведших на него большое впечатление в возрасте от 14 до 20 лет (с 1842 по 1848 годы) значатся произведения Гоголя: «Шинель», «Иван Иванович и Иван Никифорович», «Невский проспект» – «большое»; «Вий» – «огромное»; «Мёртвые души» – «оч. большое».

Как часто бывало (и это говорит о глубочайшем интересе Толстого к отечественной литературе), какие-то эстетические, профессиональные умозаключения, убеждения вырабатывались под влиянием писателей-предшественников, а порой и современников (в согласии или полемике с ними). Например, замечательны мысли Толстого, будоражившие его в 1851 году – время интенсивного самообразования и начала литературного развития. В частности, мысли о народной литературе. Выписав мнение Ламартина о том, что писатели пишут только для своего круга и не пишут для народа, «в котором есть лица, жаждущие просвещения», Толстой излагает свои собственные соображения по этому вопросу. «Все сочинения, – говорит он, – чтобы быть хорошими, должны, как говорит Гоголь о своей прощальной повести («она выпелась из души моей») выпеться из души сочинителя». Здесь Толстой использовал выражение, употреблённое Гоголем в его «Завещании», которым открываются «Выбранные места из переписки с друзьями». Приведённая цитата доказывает, что Толстой в то время уже был знаком с книгой Гоголя. Это гоголевское положение, так сильно и образно выраженное, навсегда осталось одним из основных принципов толстовской эстетики. Через 45 лет Толстой утверждал то же самое: «В художественном произведении главное – душа автора» (1896).

К этому же ряду относится и цитированная уже дневниковая запись от 1 ноября 1853 года о том, что «проза Пушкина стара, – не слогом, но манерой изложения» и что поэтому повести Пушкина «голы как-то». На эту новую манеру толстовского повествования указал Чернышевский в рецензии-статье на первые произведения Толстого, назвав эту манеру «диалектикой души». Сам Толстой находил, что не он один, а всё «новое направление» русской художественной литературы первенствующее значение придаёт именно изображению «подробностей чувства». Представителями этого «нового направления» Толстой, очевидно, считал тех русских писателей, произведения которых производили на него в те годы особенно сильное впечатление: Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Григоровича, Гончарова.

Другую сторону творчества Гоголя – юмор, которым произведения Толстого почти не отмечены, он ценил наряду с «подробностями чувства», то есть, психологизмом. В этом плане он высоко ставил ещё двух русских писателей – Слепцова и Чехова.

И вот на фоне такого повышенного внимания к творчеству Гоголя Толстой втягивается в горячий спор литературной общественности о двух внешне противостоящих направлениях в русской литературе – «пушкинском» и «гоголевском». Этот вопрос был поставлен ещё Белинским в 1842 году в его статье «О русской повести и повестях Гоголя». К середине 50-х годов спор этот достиг крайних своих полюсов: под «пушкинским» направлением мыслилось так называемое «чистое искусство», не вмешивающееся в социально-политическую сферу жизни России, а под «гоголевским» подразумевалось направление общественно-воспитательное, затрагивающее самые негативные стороны государственного устройства России, и поэтому предполагающее сатирические, обличительные средства изображения («Ревизор» и «Мёртвые души» Гоголя). На стороне «пушкинского» направления был, в частности, А.В. Дружинин (идейный противник Н.Г. Чернышевского). В.П. Боткин, поддерживая Дружинина, предостерегал его от односторонности взгляда. «Гоголевское» направление, конечно, поддерживали Н.Г. Чернышевский

и Н.А. Некрасов, борясь за союзничество Л.Н. Толстого. Сам Толстой весьма твёрдо стоял за «пушкинское» направление (письменный диалог по этому поводу с Некрасовым). В дневнике Толстой записывает: «Да, лучшее средство к истинному счастью в жизни – это без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви и ловить туда всё, что попало: и старушку, и ребёнка, и женщину, и квартального».

В этой новой формулировке своего мирозерцания Толстой впервые употребляет понятие «любовь», которому впоследствии суждено будет играть такую решающую роль в мирозерцании позднего Толстого. Раньше он говорил только о «добре». Из этого общего принципа у него складывался также определённый взгляд на назначение и задачи литературы. «Всё то, на что нужно негодовать, лучше обходить, – пишет он в записной книжке 29 мая 1856 года. – Для жизни довольно будет и тех вещей, которые не возбуждают негодования, – любви. А у нас негодование, сатира, желчь сделались качествами».

Конец 70-х – начало 80-х годов ознаменован переменной во взглядах Толстого на жизнь и художественное творчество. Сформировался религиозный кодекс Толстого, по которому бог не есть телесное нечто, а присутствует в душе человека как сознание высоких нравственных чувств и потребности делать людям добро, любя их. И примером возможности такого перерождения для него становится трагический опыт Гоголя, создавшего «Выбранные места из переписки с друзьями».

Одним из первых произведений, написанных Толстым после «перелома» в мировоззрении, был рассказ «Чем люди живы». Он вызвал ряд отзывов в периодической печати и откликов в частной переписке. В.В. Стасов, горячий поклонник художественного таланта Толстого и, в частности, его мастерства создавать «внутренние монологи», в письме к Толстому от 20 января 1882 года откликнулся на появление «Чем люди живы» следующим восторженным отзывом: «Мне до старости хотелось сказать вам, до какой степени я пришёл в восхищение от вашей легенды "Чем люди живы"... Уже один язык выработался у вас до такой степени простоты, правды и совершенства, какую я находил ещё только в лучших изданиях Гоголя...».

...25 марта – 1 апреля 1889 года Толстой окончил черновую редакцию комедии «Плоды просвещения». Недовольство первым черновиком обычно у Толстого, как обычен и дальнейший напряжённый труд художественного совершенствования. Закончив «Плоды просвещения», он записал в дневнике 21 января 1890 года: «Странное дело эта забота о совершенстве формы. Не даром она. Но не даром тогда, когда содержание доброе. – Напиши Гоголь свою комедию грубо, слабо, её бы не читали и одна миллионная тех, которые читали её теперь. Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить и значит сделать её совершенной художественно – тогда она пройдёт через равнодушие и повторением возьмёт своё».

... Пришло время «возвращения» той бескомпромиссной критики в адрес русской «критической» литературы, возглавляемой Гоголем (а затем – Салтыковым-Щедриным), которую Толстой запальчиво высказывал в последнее время.

В марте 1909 года в записной книжке Толстой делает попытку объективной оценки всего творческого пути Гоголя: «Гоголь – огромный талант, прекрасное сердце и слабый, т.е. несмелый, робкий ум. Лучшее произведения его таланта – "Коляска"; лучшее произведение его сердца – некоторые из писем. Главное несчастье его всей деятельности – это его покорность установившемуся лжерелигиозному учению и церкви и государства, какое есть. Хорошо бы, если бы он просто признавал всё существующее, а то он это оправдывал, и не сам, а с помощью со-

фистов славянофилов, и был софистом и очень плохим софистом своих детских верований. Ухудшало, запутывало ещё больше склад его мысли его желание придать своей художественной деятельности религиозное значение. "Письмо о Ревизоре", 2-я часть "Мёртвых душ" и др. Отдаётся он своему таланту – и выходят прекрасные, истинно художественные произведения; отдаётся он нравственно-религиозному – и выходит хорошее, полезное; но как только хочет он внести в свои художественные произведения религиозное значение, выходит ужасная, отвратительная чепуха. Так это во 2-й части "Мёртвых душ" и др.».

В эти же дни, по свидетельству Д.П. Маковицкого, в разговоре о Гоголе Толстой сказал: «Много у него прекрасного, но самое прекрасное для меня – это «Коляска», вещица: нет ничего лишнего и ничего не недостаёт, добродушная сатира и смешно – до невозможности!»... Гоголь, удивительный писатель!

ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский И.Н. Письмо Белинского к Гоголю и Л.Н. Толстой. – М.-Л., 1949.
2. Белинский В.Г. – историк и теоретик литературы. – М.-Л., 1949.

РОЛЬ ФОРМАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале литературного английского языка)

Т.В. Никитенко
Витебск, ВГУ

Введение. Основные источники появления новых слов универсальны для любого языка. К ним относятся: 1) словообразовательная деривация; 2) заимствование; 3) семантическая деривация; 4) формальные преобразования слов; 5) образование несвободных сочетаний.

Цель данной статьи – показать на материале английского литературного языка британского варианта (XVI–XX вв.) продуктивность формальных преобразований слов в пополнении негативно-оценочной лексики.

Результаты и их обсуждение. Основная сложность при утверждении факта об изменении формы слова, в результате которого появилась эмоционально-оценочная (далее ЭО) единица, заключается в определении: имело ли место целенаправленное формальное преобразование слова в литературном использовании. Примером утвердительного ответа на поставленный вопрос может стать лексема американского происхождения *lite* 'облегченный, упрощенный'. Данная единица отмечена в 1962 г. как намеренно неправильное написание в рекламных целях прилагательного *light* 'легкий' в значении '(о продуктах) легкий, с низким содержанием'. В широком употреблении слово имеет шутовское / неодобрительное значение 'упрощенный, не включающий серьезные и важные качества', ср.: *Lite is rather too 'lite' – many of the features have been stripped out and it has a very plain interface* 'Лайт (о программном изделии с неполным набором функциональных возможностей) уж слишком упрощен – многие из его функций изъяты, и он имеет очень простой интерфейс' [What Personal Computer (1993) (БНК)].

В ряде случаев достаточно трудно разграничить: диалектная ли это форма или результат формального искажения в литературном языке существующей формы слова. Например, глагол (*to*) *witter* 'говорить о чем-л. тривиальном долго и в занудной форме' впервые зафиксирован в 1808 г. (OED XX, 468). Авторы OED